

Лунна для вълчицка

Ирина Молчанова

Линия души

Ирина Молчанова

Луна для волчонка

«РОСМЭН»

2018

УДК 821.161.1-31-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Молчанова И. А.

Луна для волчонка / И. А. Молчанова — «Росмэн»,
2018 — (Линия души)

ISBN 978-5-353-08862-2

После развода родителей Полина и ее красавицы-сестры Ева и Майя остались с мамой. Отец теперь далеко, но жизнь не стоит на месте. Майя учится на кондитера. Ева мечтает стать актрисой. А самая младшая, Поля, с утра до ночи торчит в гараже – чинит старую машину, которая досталась ей от папы. Девчонки всегда были очень дружны... пока однажды парни старших сестер не влюбились в Полину. Что за эпидемия? Чем малышка Поля околдовала взрослых ребят? Неужели красотки Ева и Майя смирятся с поражением? Никогда! Это война!

УДК 821.161.1-31-93

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-08862-2

© Молчанова И. А., 2018

© Росмэн, 2018

Содержание

Пролог	6
Год спустя	7
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ирина Молчанова
Луна для волчонка
Повесть

© Ирина Молчанова, текст, 2018

© Макет, оформление. ООО «РОСМЭН», 2018

Пролог

Возле вокзала на асфальте сидела цыганка, она бросала мячик своей дочери лет пяти и громко, от души смеялась, наблюдая, как та его ловит.

Темненькая босая малышка лавировала между спешащими прохожими, пытаясь схватить мячик.

Пыльный мяч отскочил от ботинка высокого мужчины и приземлился прямо на носок белой туфли светловолосой девушки. Та скривилась и возмущенно воскликнула:

– Дурацкий мяч! Туфли испачкала! – И со всей силы пнула его на проезжую часть.

Мяч попал под колесо промчавшейся машины и громко лопнул. Цыганская девочка замерла, глядя на ошметки своего мячика, которые валялись на дороге, а потом с рыданиями бросилась к нему.

Вторая девушка – постарше, тоже со светлыми волосами, голубоглазая, статная и красивая – крикнула цыганке:

– Эй, за ребенком смотри! – И тише сказала: – Апрель, а она без обуви!

Хозяйка белых туфель фыркнула:

– Да им не холодно, у них иммунитет, как у животных!

А третья девочка, самая младшая – черноглазая, смуглая и темноволосая, – перехватила малышку у проезжей части.

– Гляди, что у меня есть! – Она достала из кармана ключи и показала ребенку брелок – маленькую куколку.

– Поля! Стой! Ты вшей от нее подхватишь! – сказала самая старшая девушка. – Ева, скажи ей!

Но Ева была занята своими туфлями.

Малышка не взяла куклу у Поли. Она бросилась к матери и свернулась клубком подле нее, зарывшись лицом в ее платки. Мать похлопала ребенка по плечу и что-то негромко сказала.

– Пойдемте отсюда, – раздраженно сказала Ева и, бросив на цыганку гневный взгляд, процедила: – Нашли место для игр!

Старшие девушки направились вдоль вокзала к остановке, а младшая отстегнула брелок от ключей, подошла к цыганке и протянула ей куклу:

– Возьмите вместо мячика.

Цыганка взяла куклу и, прежде чем Поля успела отдернуть руку, провела указательным пальцем по ее ладони.

Девочка отдернула руку, а цыганка улыбнулась, сверкнув золотыми зубами:

– Беги, догоняй сестер. И будь счастлива!

Поля попятилась и, неуклюже развернувшись, бросилась прочь.

Год спустя

Полина

Был четверг. И погода так себе – сырой апрель. Моя старшая восемнадцатилетняя сестра рыдала, зарывшись лицом в подушку. Нельзя сказать, что плакать из-за парней в правилах Майи. Но это был особый случай. Молодой человек, которого она добивалась весь первый год в техникуме, бросил ее... ради меня! Они встречались два года.

Все бы ничего, положи он глаз на Еву, мою вторую старшую сестру. Ей семнадцать, и у нее ноги от ушей, а от ее улыбки у парней сердца замирают.

Но этот болван решил, что именно я – любовь всей его жизни.

Я сидела на кровати, скрестив руки на коленях, и смотрела то на вздрагивающие плечи Майи, то на бьющуюся в окно ветку вербы. Мы живем в деревне, в десяти километрах от небольшого городка, где есть вся нужная инфраструктура. Во всяком случае, именно этот аргумент использовала наша мама, когда перевезла нас сюда из мегаполиса.

Отец бросил нас два года назад ради доярки. И нашел же посреди Москвы себе доярку! Для мамы – экономиста с двумя высшими образованиями – это было потрясением. Не знаю, что она хотела ему доказать, когда ушла с высокой должности и увезла нас в деревню, но отца с тех пор мы не видели. Он не звонил и не писал. Когда Майя спросила у матери, чем та со своим образованием собирается заниматься в глуши, мама ответила: «Ничем». Но это неправда. Сперва у нас появилась корова по имени Арина Родионовна и четыре курицы, а потом гусь. Мама собиралась свернуть ему шею еще два года назад, но этот белый щипач до сих пор разгуливает по участку, и мама называет его Сынулей. Вряд ли она свернет Сынуле шею. Умрет своей смертью, а мы еще и похороним его с почестями. Сменив офис в центре Москвы на хлев под Лугой, мама заявила, что не заметила перемен. Только вещи стали называться своими именами – разгребать навоз и кормить скотину.

Мы с сестрами не мешали матери в ее работе. И, как могли, приспособились к новой жизни. Конечно, нам довольно долго не хватало «Макдональдса», то есть развлечений большого города: кафе – кино – дискотека – музеи – метро. А в остальном – здесь неплохо. Воздух хороший, правда, дороги разбитые, без намека и перспектив на асфальт.

Ева ходила по комнате Майи туда-сюда, бросая на меня косые взгляды. Наконец она остановилась и простонала:

– Полина, ну скажи хоть что-нибудь!

– Мне жаль. – Все, что я могла сказать.

Майя затихла, перестала всхлипывать, но к нам не повернулась.

Ева присела к ней на кровать и погладила по плечу.

– Майка, – шепнула она, – да он недостоин тебя!

Наша сестра, издав жалобный всхлип, сдавленно спросила:

– А кого достоин? Может, Полины?

Ева вздохнула и покосилась в мою сторону. Наверно, она все-таки винила меня в том, что парень Майи в меня втюрился.

– Никого он не достоин, Май! – Ева взглядом указала мне на дверь.

Я не стала спорить и вышла. Майя с Евой всегда были близки, потому что разница в возрасте у них чуть больше года, а со мной, в их представлении, – целая вечность. И все-таки именно я, сама того не желая, увела парня у старшей сестры. Хуже всего, что в прошлом году поклонник Евы так же переметнулся ко мне. Просто она об этом не знает.

Может, я ведьма? Внешность у меня соответствующая! Обе мои сестры и мама – светленькие и голубоглазые, с ангельскими чертами. А я – черноглазая, с волосами, точно вороны перья. Мама говорит, я похожа на галчонка. Пошла в отцовскую породу.

Я сунула ноги в галоши, накинула синий пластиковый плащ и вышла во двор. С крыльца понаблюдала за соседским мальчишкой Гришей, который гулял со своим мраморным догом. Голова этого гигантского пса находится на одном уровне с плечом мальчишки. Эти двое – странная парочка.

Я подошла к калитке. Гриша заметил меня и прищурил светло-зеленые глаза, точно задумывая очередную пакость. Его светлые кудрявые волосы выбивались из капюшона длинной, доходящей до колен рыбацкой куртки. А сразу от колен начинались громоздкие резиновые сапоги.

Я приподняла в приветствии руку, хотя мы плохо знакомы. И это, кстати, совершенно не моя вина. Мальчишка – нелюдิมый грубиян, вечно ходит с лопатой и своей гигантской собакой и даже не здоровается со мной.

Он и в этот раз меня проигнорировал, закинул лопату на плечо и зашагал по дороге в сторону леса.

Хотела сходить в магазин, но мне стало любопытно, куда сосед все время таскается с лопатой. И я, держась на расстоянии, двинулась за ним.

Может, он рыбак и ходит копать червей? Но надо ли для этого ходить так далеко? У его отца – двадцать соток земли, копать – не перекопать!

Гриша обернулся и глянул на меня через плечо. И прибавил шаг. Я тоже ускорила. Парень снова обернулся, а затем еще и еще, а потом вдруг остановился и развернулся лицом ко мне. Его пес сел рядом с хозяином.

Я тоже остановилась. Так мы смотрели друг на друга с минуту, после чего он крикнул:

– Эй, швабра, не ходи за мной!

Что? Швабра? У меня язык отнялся от таких обидных слов. Мальчишка оперся на лопату и нагло смотрел на меня, даже улыбнулся моей растерянности. Почему швабра? Потому что высокая? Мы – ровесники, может, он даже постарше, но я немного выше его.

– Я – Полина! Недомерок, – крикнула я.

– Танцуй отсюда, Польша!

Я сжала кулаки, стиснула зубы и пошла прочь.

Глупый! Красивый, но какой дурак! Ну подожди, подрасти немного!

Я все-таки дошла до магазина, купила у тети Люды, местной продавщицы, десять жвачек и пакетик. Вернулась к дому соседа и повесила пакетик с жвачками на забор. Дома я планировала занять наблюдательный пункт у окна в своей комнате, уж очень мне хотелось увидеть лицо соседа, когда он обнаружит жвачки. Но тут я заметила, что проход к калитке нашего дома перегородил старый голубой «Шевроле Камаро». И из нее вышел бывший парень Майи. И как только осмелился – безумец!

Он был одет в потертые джинсы и футболку. И это в плюс десять. Когда он еще ходил к Майе, я заметила, что он все время старается подчеркнуть свою фигуру обтягивающей одеждой. Я Майю даже поддразнивала, мол, выделяется твой парень. Но сестра так была в него влюблена, что не замечала недостатков. А его дурацкое имя Евгений у нее нацарапано на спинке кровати!

– Полина, – позвал он.

Какой же высоченный! У него серо-зеленые глаза, коротко подстриженные темно-русые волосы, черты лица грубоваты, вообще видок у него грозный.

– Зря ты приехал! – с ходу заявила я и попыталась обойти его, но он схватил меня за руку.

– Полин, ну постой!

– Ну чего тебе? – Высвободила запястье.

- Ты извини, я напугал тебя наверняка в прошлый раз.
- Тебе не передо мной извиняться надо!

Он посмотрел на окно Майкиной комнаты, где колыхнулась занавеска. Я сделала шаг назад. Не хватало, чтобы Майя увидела нас и решила, что не успел остыть пепел ее отношений с Женей, как я взялась с ним кокетничать.

- Давай прокатимся? – внезапно предложил он.
- Не поеду я с тобой никуда!
- Я не буду приставать!

У него в этот момент были такие невинные глаза, что я чуть не рассмеялась. Приставать?! Ко мне?!

Он провел рукой по капоту своей машины. Эх, знает мои слабости.

- А если за руль посажу?

Я вспоминала заплаканное лицо Майи. Покачала головой:

- Нет, Женя... и не приезжай больше!

Он сдвинул брови.

– Мы ведь можем просто общаться. Говорить о машинах, – он улыбнулся, – торчать в гараже, ходить гулять. Ничего больше!

На какое-то мгновение я подумала: а почему бы и нет? Нам здорово было дружить, когда он был парнем сестры. Мы играли в приставку и проводили время в гараже, где я чиню старую папину «Волгу». А потом Женечка зачем-то влюбился в меня. Ох, как же я злилась на него.

- Ты все испортил! Обидел Майю! – несдержанно воскликнула я.

– Я все исправлю! – пообещал он и сделал шаг ко мне. – Полина, я не дурак, все понимаю. Я дождусь тебя.

- Это не имеет смысла! Я не влюблюсь в тебя, Женя!

- Да откуда тебе знать, дуручка! – разозлился он.

Я двинулась к калитке, но его слова: «Я хочу видеть тебя! Ну пожалуйста!» – остановили меня. Я обернулась.

- Такое бывает. Ты любишь, а тебя нет. Поплачь, как Майя, и забудь.

Женя плотно сжал губы.

- Ну ладно.

Он быстро распахнул калитку и зашагал к дому.

- Куда это ты? – побежала я за ним.

- Осознал, люблю Майю, попрошу прощения! – объяснил он на ходу.

- Не любишь! – вскричала я.

Он насмешливо глянул на меня.

- Она этого не знает. Я скажу, что люблю, и она поверит.

- Ты не посмеешь! – выдохнула я.

- Наблюдай, детка!

Он вошел в дом, скинул кроссовки и поспешил в комнату Майи.

Я за ним не пошла. Осталась стоять в коридоре, не зная, что предпринять. Тут меня и увидела мама, которая с ведром выходила из кухни. Почти всю свою жизнь я знала мать другой – в деловом костюме, с убранными назад волосами, вечно куда-то опаздывающей. И мне до сих пор было непривычно видеть ее без модной стрижки, в темных длинных платьях, вязаных кардиганах и высоких ковбойских сапогах.

- Полюня, ты чего здесь стоишь? – удивилась мама.

Она была не в курсе всей этой истории с парнем Майи, потому что не интересовалась нашей личной жизнью. Это раньше она моих старших сестер допекала: куда пошли, с кем, надолго ли... А после развода она объяснила нам, что вдруг поняла: соломку и под себя не

подстелешь, не то что под детей, которые так стремятся упасть и побольнее ушибиться. Но иногда нам так не хватало ее участия! Вот, например, сейчас!

– Мам, мне совет нужен! – решительно сказала я.

Она жестом позвала меня на кухню. Мы присели за большой деревянный стол, и я спросила:

– Что делать, если один не дорогой тебе человек обманывает дорогого тебе человека?

– Поговорить с дорогим и рассказать ему об обмане!

– Думаешь?

Мама задумчиво посмотрела на меня:

– Конечно!

Уверена, она думала сейчас об отце и доярке. Ответила бы она так же, если бы знала участников драмы? Это останется тайной, но совет помог мне решиться. Я без стука влетела в комнату сестры и застала этих двоих, сидящих в обнимку на кровати. Ой, как мило!

– Полина! – сердито закричала Майя. – Дверь закрой с той стороны!

– Нет! – Я прошла в комнату и остановилась перед Женей, скрестив руки на груди. – Сам скажешь? Или я расскажу?

Женя вздохнул:

– Полина, не надо, пожалуйста. У тебя ничего не выйдет!

– Отлично. Тогда я...

– Полина, – оборвала Майя, – Женя уже все мне рассказал! Уходи!

– Что он тебе рассказал?

Майя поднялась с кровати и указала на дверь:

– Это не твое дело. Не лезь к нам, поняла?

– Майя, – чуть не плача, прошептала я, – он обманщик! Он нарочно с тобой помирился, чтобы...

– Чтобы что? – вызывающе спросила она. – Чтобы быть ближе к тебе? Тебе самой-то не смешно, сопля?

Майя никогда со мной так не разговаривала. Женя хорошо ее обработал. И сейчас на его лживом лице было написано прекрасно разыгранное огорчение.

– Май, не распыляйся, она просто ребенок! Насмотрелась взрослого кино, вот и начала приставать...

– Я? Приставала? К тебе? – переспросила я.

Он опустил глаза и виновато пробормотал:

– Прости, Майя! Я совершенно не знал, как сказать тебе правду. Думал, ты мне не поверишь. Все-таки она твоя сестренка.

– Он врёт! Да очнись, Майя! – заорала я.

Майя процедила:

– Хватит, Полина, Женя мне во всем признался! Будешь лезть к нему, я тебя налуплю! Поняла?

Я открыла рот, но тут же закрыла его, поняв, что проиграла. Женя в отместку за мой отказ проводить с ним время наплел сестре, что я к нему приставала. И влюбленная в него по уши Майя хочет верить в эту версию.

– Уходи! – приказала сестра.

И поскольку я не тронулась с места, схватила за руку и вытолкала меня за дверь.

Уже в коридоре я услышала, как Майя нежно проворковала:

– Останешься на ужин, Жень?

– Если не помешаю!

Я пошла в свою комнату и плюхнулась в кресло у окна. И только тогда вспомнила о своем плане посмотреть на лицо соседа, когда тот обнаружит пакет с жвачками.

Подошла к окну и отдернула занавеску. Пакет исчез с калитки соседа, зато на нашей калитке висел другой пакет. Вскочив во двор, я перепрыгнула через гуся, добежала до калитки и сняла пакет. В нем лежала розовая коробочка. У меня сердце замерло, когда я взяла ее в руки. Коробка оказалась тяжеленькой. Ну вот, ответный ход. А я боялась, что мы никогда не поладим! У меня по телу разлилось приятное тепло от предвкушения.

Я открыла крышку и... взвизгнула. Прямо в лицо мне прыгнула огромная жаба. Я выронила коробочку и отскочила. Вот же пакость!

А из-за дровяника выглянула курчавая голова, и раздался хохот.

Обманутая и осмеянная, я пошла в гараж. Не хотелось столкнуться в доме с сестрами или Женей. Села в старую машину и включила маленькое радио. Гараж был моим убежищем, здесь я чувствовала себя спокойно. Мы с отцом, пока он не ушел к доярке, почти каждый вечер проводили в гараже. Он любил возиться с машинами и меня многому научил. А эта старая «Волга-кабриолет» ему досталась еще от его отца, моего деда.

Уходя от нас, отец сказал, что «Волга» теперь моя. Мне большого труда стоило уговорить маму перевезти мое любимое детище на эвакуаторе в деревню. Мама вообще хотела избавиться от всего, что было связано с отцом, и сперва не соглашалась забрать с собой машину. Но Майя уредила ее, что жестоко отнимать у меня любимое занятие – починку рухляди, как они все это называли. Вообще-то машина была серая, но я уже успела ее перекрасить в бело-розовый. Раньше папа мне не разрешал, а теперь делаю что хочу – ему, наверно, все равно. У него другая жизнь.

Я многое успела заменить. Зимой ходила на курс по перетяжке мебели, его преподавала одна пенсионерка-самоучка. После ее уроков я обтянула белой кожей руль и теперь занялась перетяжкой сидений – заказала для этого потрясную бело-розовую кожу. Потом нужно еще обтянуть приборную доску и двери внутри. Мечтаю летом прокатиться по деревне хоть разок!

Я достала календарь. Ребята из автомагазинчика заказали для меня диски, через три дня должны привезти. Ради этих дисков я всю зиму доила корову одной бабульки, живущей на другом конце деревни. Приходилось вставать с первыми петухами и, укутавшись потеплее, хрустеть по нерасчищенному снегу до ее сарая. Но диски того стоят!

От мысли о дисках и приятных заботах о машине я повеселела. И уже не думала о Майе, ее дурацком парне и соседе, подложившем мне лягушку.

Я отходчивая, не могу долго расстраиваться, грустить и обижаться.

Ев а

Я распахнула свой шкаф и вдохнула приятный ванильный аромат – у меня на полочке стоит рюмка с ванилином. Мама экономит на кондиционере для белья, но моя одежда пахнет восхитительно. Не понимаю маму! Продала четырехкомнатную квартиру в Москве и купила дом в захолустье за копейки, а оставшиеся деньги положила в банк, и мы теперь должны экономить.

Я принялась перебирать кофточки, прикидывая, что надеть. На мне уже была дерзкая красная обтягивающая юбка, черный кружевной бюстгальтер, черные чулки и длинные замшевые сапожки. Правда, пока дотацишься до остановки, все сапоги сзади будут в брызгах. А под каблуками такая каша налипнет! Вот бы и мне парня, как у Майи, на машине. Хотя напрасно она его простила, мутный какой-то этот Женечка. Но фигура у него классная!

Я вытянула из шкафа черную кофточку с низким вырезом и, глянув за окно, где по дороге под зонтом шла старуха какая-то, застонала. Будь неладна эта богом проклятая деревня. Приспичило же мамочке переехать! Скорей бы поступить в универ и сбежать отсюда. Деревня – не для меня! Я все спланировала, буду поступать в московский вуз или в Питере поступлю на

театральное. Пока мы жили в Москве, меня пару раз приглашали в студию на съемки рекламы одежды для подростков. Было круто!

Заметив на рукаве катышки, я достала из ящика бритву и сбрила их. Нацепила кофточку, покрутилась перед зеркалом.

Вышла из комнаты и крикнула маме, что уезжаю по делам. Ненавижу вдаваться в подробности. Да маме пофиг, она лишь махнула рукой и снова повернулась к серванту. Вот надо ей обклеивать пленкой это старье? В Москве с ее зарплатой мы могли позволить себе сервант из самого крутого мебельного. А теперь...

На улице сквозь серые, низко повисшие над лесом облака прорывались лучи солнца. Только бы дождя не было! На всякий случай взяла зонт.

Осторожно ступая по выложенной камнями дорожке и стараясь не угодить каблуками в дыры, я заметила, что дверь гаража приоткрыта. Значит, Полинка возится с машиной. Я заглянула в приоткрытую дверь. Полина сидела на коленях возле колеса и крутила его какой-то железкой.

– Когда она уже ездить будет? Долго ты чинить ее еще собираешься?

Сестра обернулась и широко улыбнулась. У нее потрясающе белые зубы. Впрочем, возможно, белизну оттеняет ее смуглая кожа. Из нас троих только Полине крупно повезло: она родилось уже с золотистым мальдивским загаром. А нам с Майей – бледным поганкам – приходится тонны тональника на себя изводить. Впрочем, Майя особо не парится...

– Летом прокачу, – пообещала сестра.

– Мне бы сейчас, – вздохнула я, переминаясь с ноги на ногу.

Полина сверкнула черными глазами.

– Этот уехал?

– Женечка? – Я нарочно сделала паузу, наблюдая за сестрой.

Она поморщилась:

– Ты веришь ему?

– Смешная ты! Вопрос же не в том, верим ли мы... Майя верит.

– Ну и глупая! – Полина вскочила, принялась отряхивать грязные колени. – Ев, он мне сам сказал, что попросит у Майи прощения и она ему поверит! Он знал наперед и нарочно это сделал, чтобы... чтобы...

– Что?

– Он сказал, что хочет видеть меня, понимаешь? А я сказала «нет»!

Я не выдержала и засмеялась:

– Ну ты даешь, Полин! Я думала, Майя врет, а она, оказывается, права! Ты себя кем вообразила? Богиней Афродитой?

Сестра сердито глянула на меня, отвернулась к машине и снова присела возле колеса.

– Ладно, – примирительно сказала я, – не лезь ты к ним, Поль, пусть сами разбираются. Да и Женя слишком взрослый для тебя!

– Не веришь мне? Помнишь Тимку? – внезапно спросила сестра.

Спрашивает! Провалами в памяти я не страдаю и парня своего помню. Но сейчас мне меньше всего хотелось о нем говорить, я с таким трудом выкинула этого гада из сердца. Ну или почти выкинула...

– И что?

– Он бросил тебя.

Я шумно выдохнула. Младшенькая начинала меня конкретно бесить. И какого черта она здесь констатирует факты?

– И что? – раздраженно повторила я.

– За день до этого он поцеловал меня. – Полина приподняла брови.

– Что? – выдохнула я. – Ты прикалываешься?

Она дернула плечом, и с него упала лямка строительного комбинезона.

– Так и было. А еще он сказал, что любит меня. Совсем как Женька.

– Врешь ты все! – прошипела я, таращась на сестру.

– А ты спроси у Тимки.

– Да вот еще! Он бы не стал!

– Слышали уже. Он ведь не объяснил, почему бросает тебя? Правда?

Я молчала, пытаюсь переварить новости. Ответить было нечего, поэтому я просто вышла из гаража. И до самой остановки все думала-думала: врет Полинка или нет? Но зачем ей врать? А почему бы и не соврать? Девочка растет, ей хочется внимания, любовных приключений, а здесь что – в деревне этой?! Ни кино тебе, ни кафе – тоска. Вон даже сосед наш – Полькин вроде бы ровесник – ее не замечает. Есть от чего огорчиться и начать сочинять небылицы. Да не стал бы Тимка – лоб шестнадцати, почти семнадцати лет – приставать с поцелуями к тринадцатилетней девчонке, какой она была в прошлом году. И пусть ей теперь четырнадцать, зачем восемнадцатилетнему Жене менять взрослую и красивую Майю на малявку?

Я даже рассмеялась от облегчения. Ну Поля, ну дуреха! А как убедительно врет! Через пару лет вспомним – посмеемся.

Автобус довез меня до центра доступной мне тусовки – городишки, который за несколько часов пешком обойти можно.

Возле вокзала уже ждал Стас – коричневые вельветовые штанишки, прилизанные волосики, полосатая рубашечка, вязаный свитерок и застывшее на лице благоговение. Только таблички не хватает на груди: «Лузер – уровень Бог». В одной руке сжимает букетик каких-то анютиных глазок. Да ладно, не знаю таких цветов, для меня – кроме роз, все они на один вид.

Настоящее свидание! Глядя на этого парня, нервно комкающего края свитера, я вдруг пожалела, что согласилась.

Мы познакомились на прошлой неделе в магазине. Да. Тут мест для знакомств – раз, два и обчелся. Он покупал в канцелярском глобус, а я – замазку. Серьезный парень, на географический поступать собирается.

– Привет, Ева! – с придыханием сказал Стас, протягивая мне букетик.

Я взяла, подставила щеку для неуклюжего поцелуя, и мы зашагали бок о бок по площади. Я как-то сразу поняла, что парень мне скучен. Он суетился, обходя лужи, подсказывал мне, где лучше пройти, чтобы не запачкать обувь. Кому-то это могло показаться милым, но не мне. Не люблю суетливую заботу. Экскурсовод, блин, по асфальтовым колдобинам. Я предпочитаю немногословных парней, таких, кто посадит в машину и помчит, смело шпаря по всем лужам, или подхватит на руки и перенесет через – тоже вариант. Не у всех же парней моего возраста есть машины. Вернее сказать, почти ни у кого. Даже у Тимы. Но он как раз из тех, кто без лишних слов подхватит любимую девушку на руки, а не будет хватать потными пальцами за рукав и бормотать: «Осторожно, там грязь!» Будто я слепая! Как жаль, что я больше не Тимина любимая... Девчонки из класса говорят, у него сейчас другая. Вернее сказать, у него их много.

Бывает такое: войдет кто-то в сердце, а потом, даже покинув его, натоптав и хлопнув дверью, оставляет щемящее чувство своего присутствия. И сколько ни оттирай с сердца следы, они точно выжжены там.

Мы со Стасом прогулялись по городку, по одним и тем же осточертевшим мне улицам. Мне хотелось в кафе, но Стас болтал всякую – интересную, по его мнению, – географическую чушь и в кафе не звал. Я уже начала соображать, как бы поскорее от него отделаться.

Стас показал мне на водонапорную башню, где свили гнездо аисты:

– Слышишь треск? Аист издает его клювом, он подзывает самку.

– И что?

Стас глядел на гнездо, не замечая моего недовольства.

– Может, прилетит его прошлогодняя супруга! А может, новая! А может, прилетят обе и подерутся за право гнездиться с этим самцом.

– А он что же? – нехотя поинтересовалась я.

– Он не вмешивается. Будет растить птенцов с сильнейшей!

– Супер, прекрасная позиция. Современная такая.

Парень удивленно взглянул на меня:

– Я обидел тебя? Ты не подумай, у меня не такая позиция, как у аиста.

Я не выдержала и фыркнула:

– Чтобы иметь позицию как у аиста, нужны как минимум две самки, готовые драться за тебя и растить с тобой птенцов. Боюсь, у тебя с этим пока проблемы!

Стас уставился на меня так потрясенно, что мне стало неловко. Но я виду не подавала. Вынула из сумочки мобильник, заглянула в пропущенные вызовы и, не обнаружив ни одного, воскликнула:

– Ой, мне звонила сестра. Я на минутку, поговорить.

Отошла на пару шагов и с преувеличенным огорчением воскликнула:

– Да ладно! Майя, неужели нельзя обойтись без меня? Я сейчас занята. Ну... ну раз ты говоришь... да, конечно, приеду! Да!

Я была уверена, что прекрасно играю роль. Но вдруг телефон в моей руке зазвонил. На экране высветилось: «Географ». Подняла глаза на стоящего в паре шагов от меня Стаса. Он едва заметно кивнул и пошел прочь. Ну и фиг с ним! Аист. Не стала его останавливать – пошла на автобус.

В деревню я приехала затемно. У магазина вокруг мотоцикла толпились ребята. Я еще не успела увидеть, но уже почувствовала, что Тима среди них. Меня окликнули. Не Тима, но теперь я видела, что он сидит на ступеньках. У него на коленях лежала тряпка, а на ней – детали от драндулета. У меня сердце сжалось от нежности при виде его милого лица. На лоб спадали спутанные каштановые волосы, свет фонарей искрился на кончиках ресниц, а губы были изогнуты в задумчивой полуулыбке.

Я подошла к ребятам. Посыпались шуточки:

– Эфка, ты откуда такая красивая?

– Ев, яблочко хочешь?

– Ммм! Какая сладкая!

– Что у тебя за духи?

– А чего тебе ее духи, мамаше своей купишь?

Поднялся гогот. Терпеть не могу этих деревенских олухов. Подошла ради Тимы, а он на меня и не взглянул, крутил в руках фиговину какую-то. Тима не такой, как его дружки. Он переехал сюда из Новгорода к родной тетке два года назад, после гибели родителей. Он городской, и это заметно в каждом его жесте и слове. Одевается хоть и не модно, но аккуратно и со вкусом. Обычно на нем джинсы и рубашка, но не офисная, а с рисунком, или джемпер, или футболка. Нормально одевается. Да и тетя его – библиотекарь.

– Темно уже! Проводить тебя? – предложил один из парней.

Я и имени-то его не помню. Мне вполне достаточно того, что он ходит в фуфайке. При виде таких парней я сразу с ужасом представляю, как сижу в избе в окружении десяти детей и топлю печку. Одно из поленьев падает на пол, а я не могу за ним нагнуться, потому что снова беременна.

Я помотала головой, стряхивая наваждение:

– Не надо.

Внезапно встал Тима, который, казалось, вообще меня не замечал.

– Я сам провожу.

Другие завозмущались:

– Нет, а почему это ты? Самый умный?

– Вечно сливки снимает!

У него необыкновенные светло-карие, теплые глаза. Сама радужка вокруг зрачка цвета расплавленного золота и рисунком напоминает лучики, устремленные к темному ободку радужки.

Я ухватила Тиму под руку и прошептала:

– Проводи!

Мы уходили под разочарованное «у-у-у» парней, но мне было все равно, я слышала лишь бешеный стук своего сердца. Искала в панике тему для разговора и не нашла ничего умнее, чем сказать:

– Видел, в гнездо на водонапорной башне у вокзала прилетел аист?

Тима усмехнулся:

– С каких пор, Ева, тебя интересуют аисты?

Я беспечно рассмеялась – ну, насколько смогла выдать из себя беспечность. Ситуация интересная. Он бросил меня, сказал, не любит и что все это – что «все», до сих пор не знаю – ему не нужно. А сейчас провожает.

Мы подошли к моему дому. Никогда еще расстояние от остановки до калитки не казалось мне таким ничтожно коротким.

– Тим, – задержала я руку у него на локте, – а чего ты провожать меня пошел?

Я ждала услышать что угодно, но только не это.

Он глянул на гараж и спросил:

– А Полина дома? Мне свечка нужна для мотоцикла, у твоей сестры в гараже валялась подходящая. Магазины закрыты уже, вот я и подумал...

– Тим, – перебила я. Наши взгляды встретились, и я выпалила: – Это правда, что ты поцеловал Полину?

Он молчал, опустив глаза, так долго, что ответ уже не требовался. Я уперлась спиной в калитку, чтобы не упасть.

– Да что вы все в ней нашли? – пробормотала я.

И снова ответа не получила. Тима промолвил:

– Я пойду.

Тогда я, хлопнув калиткой, бросилась на участок, быстро зашагала к дому. Перед глазами все расплывалось от навернувшихся слез. Из гаража мне наперерез выскочила сестра, она что-то говорила, кажется, спрашивала, как погуляла, но я оттолкнула ее и, бросив: «Уйди!», убежала в дом.

Майя

Что-то было не так, я чувствовала. За столом царил тишина. Плохое я заподозрила, когда Ева перед завтраком вынула из холодильника лишь три кубика льда из отвара ромашки, чтобы протирать лицо для идеальной кожи. Кубики были для нее, меня и мамы. Я спросила: «А Полине?»

«Она и так у нас – хоть куда! – хмуро заявила Ева. – Ей не нужно!»

Вот это поворот! Да она нам все мозги проела, что о своей коже надо заботиться смолоду, иначе мы состаримся и умрем в одиночестве.

Я сначала подумала, Евка из-за меня на Полину наезжает, чтобы была скромнее, к Жене моему не лезла. Я сама на Полину еще немного сердилась.

Но вскоре стало ясно: дело не во мне и не в Жене. Ева за что-то сильно обижена на Полину. Я терялась в догадках. Что могло случиться вчера, пока я мирилась с Женей? Обычно сестра мне все-все рассказывает, но вчера мы так и не поговорили. Женя уехал ближе к две-

надцати, а я была такой счастливой и разомлевшей от наших поцелуев, что хотелось просто побыть одной. Я сидела на кровати, перебирая наши фоточки, его подарочки и открыточки. Это был чудесный вечер. Конечно, следовало поговорить с Евой, ведь у нее было свидание, а я понятия не имела, как оно прошло. Ближе Евы у меня никого. Мне и подруги, в сущности, никогда были не нужны, потому что лучше нее меня все равно никто не понимал.

С Полиной сложнее. Она младше нас и с ранних лет была какой-то... другой. Конечно, я ее люблю, просто не всегда понимаю, и у нас мало общих интересов. Может, когда она станет постарше...

Мама разногласий между Евой и Полей не заметила, как и многое другое. Она до сих пор не пережила развод. Сбежать в деревню от предательства отца оказалось мало. Каждый день, сама не осознавая, она сбегала и от нас в страну неотложных дел, которую придумала для себя, чтобы заполнить пустоту в сердце.

А я не могу так. Если есть конфликт, его нужно разобрать на семейном совете.

Я предложила маме помощь, она отказалась и ушла в хлев. Я же разлила сестрам чай и спросила:

– Девочки, что случилось?

Ева с Полиной переглянулись.

– Ничего, – ответила младшая.

Я перевела взгляд на Еву. Та закатила глаза:

– Ты слышала ее. Ничего.

Я вздохнула:

– Любую ситуацию можно рассмотреть под разными углами и...

Ева резко отодвинула от себя чашку, расплескав чай, и бросила:

– Хочешь рассмотреть? Да пожалуйста! До того, как вешаться на твоего парня, наша прекрасная Поляночка вешалась на моего.

Я потрясенно моргнула:

– Как это?

Щеки Полины залились румянцем, она выкрикнула:

– Неправда!

Ева язвительно уточнила:

– Что именно неправда? Ты не целовалась с Тимой? А потом с Женей?

– Я... – Полина растерянно осеклась.

На мгновение стало ее очень жаль. А потом холодной змейкой в сердце вползла ревность. Полина целовалась с моим Женей! Я должна милосердно простить? Не выглядит она огорченной, раскаяния ни в одном глазу.

– Так, – собралась я с силами. – Кто тебе сказал, Ев, что она целовалась с Тимой?

– Она сама!

Я строго посмотрела на Полину:

– Это правда?

– Да, но...

– Какие еще «но», Полина! – взорвалась я. – Ты хоть понимаешь, сколько боли и горя принесла Еве?

Сестра называется! Она любила Тиму и до сих пор... – Я замолчала, увидев предостерегающий взгляд Евы.

– Это он меня поцеловал! – закричала Полина. – Он сам.

– Ага, и Женя сам... – процедила Ева. – Да что там, Май, все парни спят и видят, как бы им поцеловать нашу малолетнюю Полину!

Я смотрела то на красную от злости Еву, то на сжавшуюся в комок Полину и понимала, что знания, полученные на курсах по психологии, сейчас не помогают: мне не хотелось решать проблему цивилизованно, а хотелось взять эту маленькую паршивку за ухо и в угол поставить.

– Может, она все-таки сочиняет? – с надеждой спросила я.

Ева покачала головой:

– Я спросила вчера у Тимы.

– И он сказал, что...

– Нет, но все было очевидно!

– Полина, – начала я.

Но сестра уже вскочила из-за стола.

– Да ну вас! – крикнула она. – Надоели вы мне со своими ветреными парнями!

– Сядь! – рявкнула Ева.

Полина не двинулась с места и гневно смотрела на нас.

– За свое поведение, Полина, ты должна нести ответственность!

– Ага, – согласилась Ева. – Накажем ее!

Мне действительно казалось, что это справедливо. Нельзя позволить маленькой девочке лезть к нашим взрослым парням. Это просто неприлично! Что из нее вырастет, если не пресечь это на корню сейчас?

– Ни шагу из дома все лето, – вынесла приговор Ева.

Это уж было слишком. Я хотела смягчить наказание и сократить срок до месяца, но тут Полина заявила:

– Как бы не так! Кто вы вообще такие, чтобы наказывать меня?

Тон ее мне не понравился. И Ева многозначительно взглянула на меня:

– Май, посмотри, какой это неблагодарный и бессовестный ребенок!

Я кивнула. И указала Полине на дверь:

– Иди в свою комнату. Три месяца не будешь ходить гулять, гуляй по участку, после школы сразу домой. Посмотрим на твое поведение: будешь нормально себя вести, уменьшим срок ареста!

– И никакого гаража! – добавила Ева.

У Полины в глазах сверкнули слезы, но она сморгнула их и спокойно – поразительная выдержка – сказала:

– Я пойду туда, куда захочу. Вот и все.

Ева медленно поднялась:

– Ты не поняла, Полина. Тебе сказано идти в свою комнату. Сейчас.

От холода в ее голосе мне самой стало неуютно. Но Полину это не напугало. Сморщив нос, она бросила:

– Наблюдай, как я пойду гулять!

И направилась в прихожую.

Поля накинула куртку и вышла во двор. Я устало подперла голову рукой и вяло сказала:

– Да уж, глупо было думать, что она послушается. Ей же не пять лет.

Ева о чем-то сосредоточенно думала. Потом процедила:

– Она будет слушаться, – и вышла из кухни.

Я прибрала на столе, потом решила посмотреть, не случилась ли драка. И пожалела, что не пошла за Евой сразу. Из гаража доносились дикие вопли.

Добежав до дверей, я увидела ужасную картину. Ева молотком крушила машину, а младшая сестра бегала за ней и умоляла остановиться.

– Хватит! – крикнула я.

Руки Евы с молотком замерли в воздухе. Полина плакала, прикасаясь к вмятинам с облупившейся краской, оставшимся после ударов молотка. Было разбито лобовое стекло, отломана ручка задней двери и правое зеркало, по кузову – куча вмятин.

– Хватит, – спокойнее повторила я. – Она все поняла, правда, Полина?

Девочка молчала. Ева насмешливо улыбнулась и, откинув молоток в сторону, взяла гвоздь.

– Да ничего она не поняла, – обронила она. – Но поймет.

И принялась царапать на бампере гвоздем.

– Ева, не надо, – попросила я. Это уже был явный перебор.

Сестра лишь улыбнулась. А Полина внезапно кинулась на нее и с силой оттолкнула. Ева едва устояла на каблуках. Полина схватила гаечный ключ и выставила перед собой:

– Только подойди еще к моей машине!

Я шагнула к Еве и, обняв ее за плечи, сухо сказала:

– Мы уходим, а ты подумай о своем поведении, Полина.

Мой взгляд упал на бампер, где гвоздем было нацарапано: «МАЛЕНЬКАЯ ШЛЮ...» Ева не успела дописать, но и так было все ясно. Зря она это... Если маме и наплевать на отцовскую машину, то надпись ей явно не понравится.

Уже в дверях нас догнали слова Полины:

– Вы пожалеете!

Ева обернулась:

– Не угрожай нам! Козьявка, что ты можешь против нас?

И в самом деле – что она может? Мама вся в хозяйстве, в наши дела особо не лезет, отец – за тридевять земель. Конечно, нам стоило быть мягче. Следовало использовать другой метод – не насилия, а игнора, но что сделано, то сделано. Да и Полине надо поучиться уважению к старшим. И я добавила:

– С сестрами надо дружить, Полина! Надеюсь, ты это поймешь. Мы любим тебя и беспокоимся о тебе.

Мы закрыли за собой дверь. Я слышала, что Полина плачет, и у меня сердце разрывалось от того, как мы с ней поступили, но я не вернулась в гараж. Мы с Евой пошли ко мне в комнату. Она никак не могла успокоиться, ходила от стены до стены туда-сюда и накручивала себя еще больше.

– Наглая! Шею бы ей свернула!

– Да ладно, Ев, она ребенок еще! – Я опустилась на кровать и любовно коснулась рамочки с фоткой Жени на тумбочке. Полину можно понять – в Женю так легко влюбиться.

– Ну да, как целоваться с нашими парнями, так взрослая, а как по шее получить, так сразу ребенок! – фыркнула сестра.

Ева чрезвычайно вспыльчива и эмоциональна. Когда она зла, с ней лучше не спорить. Да и я была согласна – Полине следовало задать трепку. Но долго на нее обижаться мы не будем. Пусть мы с ней не делимся секретами и не так дружны, как между собой, мы обе ее любим.

Мне пришло эсэмэс от Жени: «Любимая, чем займемся?»

Ева спросила:

– Кто пишет?

– Женек. – Я пощадила чувства сестры и не стала отвечать ему, решив, что ей сейчас непросто видеть мое счастье. Я же помню, как Ева страдала из-за разрыва с Тимкой. А сейчас снова все обострилось из-за выходов Полины.

Дверь распахнулась, и на пороге появилась мама. По ее лицу сразу стало понятно, что ничего хорошего нас не ждет.

– Это вы разбили машину Полины? – спросила она, уперев руки в бока.

– Она заслужила! – тут же вспыхнула Ева.

– Майя! – недоверчиво посмотрела на меня мама.

Я потупилась и призналась:

– Мам, Ева права.

– Вы хоть соображаете, сколько ребенок корпел над этой железякой?! Вы что, совсем ничего не понимаете?! Глупые!

Только услышав мать, я вдруг ощутила всю чудовищность нашего поступка. Чувство вины сошло на меня, точно лавина, и сердце сжалось. Полина целыми днями проводила в гараже, чтобы превратить гору старого ржавого железа в красивую машину, а мы...

Ева никогда не была близка с отцом, такой уж она уродилась, а мы с Полиной были папиными девочками. И мне, и ей ужасно его не хватало. Я должна была остановить Еву, ведь эта чертова машина – единственное, что у Поли осталось от папы. Я должна была понимать, как больно мы сделаем сестре, испортив машину.

– Мама, – не меняя тона, вскричала Ева, – эта маленькая дрянь вешается на наших парней! Разговоры на нее не действуют! Поговори с ней!

– Так все дело в парнях? – изумилась мама. – Парней не поделили!

Я поняла, что Ева сделала серьезный промах. О парнях маме лучше не говорить. После развода с отцом она считает, что мужчины не стоят драки. Более того, любовные склоки унижительны.

Я не ошиблась. Дрожа от ярости, мама сказала:

– Чтобы ноги вашей больше не было в гараже! А ваши карманные деньги пойдут на ремонт Полининой машины!

– Мама! – взвыла Ева.

Я промолчала. Мама ушла, а сестра со стоном упала на мою кровать.

– Наказала нас, а не ее! Будь все проклято! Я сожгу это корыто!

Я вздохнула и погладила сестру по волосам:

– Думаю, ты не права, Ев, Полине сейчас куда хуже, чем нам... И ты слышала маму, не ходи больше в гараж!

– Вечно ты защищаешь эту козявку!

Мы помолчали, а потом я тихо спросила то, что меня все утро беспокоило:

– Ева, как думаешь, а может быть такое, что Полина не обманывает?

– В смысле? – Ева резко села и уставилась на меня.

Я мельком взглянула на фото Жени:

– Ну... а что, если наши парни...

– Нет! – не дала мне договорить сестра. – Она врет, Май!

Как бы мне ни хотелось защитить Полину, еще больше я чувствовала необходимость защитить свою любовь. Я не могла потерять Женю.

Когда он сказал, что между нами все кончено из-за Полины и объяснить происходящее он не может, я думала, умру. Когда Полина сообщила, что Женя к ней приставал, признался в любви, я не поверила. Как поверить? Но Женя приехал и объяснился, и все встало на свои места. Полина им увлеклась. Женя – он такой... такой! Маленькой девочке хочется любви, как в книгах пишут, как в кино показывают. Логично. У Полины нежный возраст, возможно, присутствует и зависть: обе ее сестры встречаются с парнями, ходят на свидания и получают подарки, а она нет.

Я встала с кровати и решительно сказала:

– Ев, мы и правда глупые! Мы не ругать Полину должны, а внимательнее к ней быть. Помочь ей пережить сложный возраст. А мы накинулись на нее! И машина эта еще... Ну ты серьезно веришь, что она могла отнять у тебя Тиму или у меня Женю? Смех!

Ева застонала и прикрыла глаза:

– Ну не знаю...

Я подошла к окну:

– Сама представь, парни нас балуют, Поле тоже хочется, и она... – Я осеклась, отдернув занавеску.

– Ну чего умолкла? – спросила Ева и подошла ко мне.

Мы обе устались в окно и долго молчали, глядя на открывшуюся нашим глазам сцену: у гаража, крепко обнявшись, стояли Женя и Полина. Я почувствовала на себе пытливый взгляд сестры, но была не в силах произнести ни слова. Зато у Евы нашлись слова.

– Ну посмейся, Май! А мне что-то не хочется!

Полина

Я плакала, и мне было все равно, что он шепчет на ухо. Он говорил, что я его любимая девочка и он никому не даст меня в обиду, обещал, что машину мы починим...

В этот момент я ненавидела своих сестер, особенно Майю. Да, не она разгромила мою машину, но это произошло с ее безмолвного согласия. Я не ждала жалости от Евы, она наверняка и не заметила, что отца не стало в нашей жизни, она о бутиках и торговых комплексах горевала. А Майя, она как я... или мне это только казалось? Именно Майя вынудила мать забрать в деревню машину отца для меня. Майя любила папу, и мне всегда хотелось походить на нее и прислушиваться к ней. Для меня она была самой лучшей – красивой, доброй, мудрой и сильной. Просто в голове не укладывалось, как можно разлюбить прекрасную Майю и влюбиться в меня – совсем обычную? Когда год назад парень Евы влюбился в меня, я нашла объяснение. Ева бывает настоящей злокой! А я – мне так хотелось думать – понравилась Тиме потому, что похожа на Майю; ведь, будь Майя свободна, Тима влюбился бы именно в нее. В это я искренне верила. И признание Жени – парня любимой сестры – повергло меня в ужас. Я так боялась, что Майя может отвернуться от меня из-за Жени.

И я оттолкнула Женю, была честна с сестрой, но ей правда не понравилась.

Больнее всего было даже не то, что Ева изуродовала мою машину, а разочарование в Майе. Как если бы я узнала, что человек, которого я очень люблю, умер...

Женина рубашка промокла от моих слез, но он был вовсе не против и объятий не разжимал.

Он спросил:

– Хочешь покататься на моей машине?

Повернув голову, я увидела, что у окна стоят сестры, и тогда, конечно, взяла его за руку и сказала:

– Хочу!

Мы вышли за калитку и сели в машину. Женя разрешил мне сесть за руль. Отец учил нас с Майей водить, поэтому я знала, что делать.

– Прокатимся по деревне, на шоссе выезжать не будем, – назидательно предупредил Женя.

Я тронулась и проехала от столба до столба. Слезы высохли сами собой, и я засмеялась – счастливо и легко. Женя улыбнулся с каким-то непонятным мне облегчением. Потом я проехала до конца деревни, мы поменялись местами и покатали на шоссе. Мы катались около часа, а потом остановились на пригорке, откуда открывался вид на лес и реку.

– Ну что, полегче? – участливо спросил Женя.

Я кивнула.

– Хочешь домой? Посмотрим, что можно сделать с твоей машиной.

– Да, поехали!

Меня подмывало спросить, собирается ли он и дальше обманывать Майю, но я передумала – пусть обманывает, если ей так хочется обманываться. Я заговорила о другом:

– Жень, когда мы приедем, Майя запретит тебе даже смотреть в мою сторону, не то что сидеть со мной в гараже.

– Не думаю, что буду спрашивать у Майи разрешение!

Мы за пятнадцать минут добрались до дома. А когда подходили к гаражу, на крыльцо вышла Майя, позади нее тенью возникла Ева.

– Жень! – помахала Майя.

Этот жест показался мне таким неестественным и жалким. Как и вся ситуация, в которой моя старшая сестра вышла встречать своего парня, который где-то целый час пропадал со мной. И что же – она это проглотит?

Майя сбежала с крыльца и устремилась по дорожке к нам. Обняла Женю и, чмокнув его в щеку, как ни в чем не бывало сказала:

– Идемте пить чай, я печенье испекла!

Женя покосился на меня, затем взглянул на маячившую в дверях Еву:

– Я обещал Полине посмотреть ее машину.

Майя изобразила удивление и, точно от холода, поежилась:

– Попейте чаю сперва! Машина никуда не убежит. Ну что, идем?

Я знала, что она не сдастся без боя. Но от Майи не стоит ждать лобовой атаки, она действует иначе – исподволь, мягко и при этом настойчиво.

Женя мешкал, было заметно, что он растерялся. Я же сказала:

– У меня нет аппетита.

Майя огорченно вздохнула:

– Полина, ну пожалуйста. Это жест примирения.

Я ей не верила. Это была война, и ее жест примирения – всего лишь продуманный ход. Но тут Женя положил руку мне на плечо:

– Холодно, Полина, давай выпьем чаю, а потом посмотрим машину.

Я пожала плечами и пошла впереди. Имело смысл подыграть Майе, чтобы понять, что задумали сестрицы. Проходя мимо Евы, я сразу заметила, какой натянутой выглядит ее улыбка. Не быть ей актрисой, провалит она поступление в театральное, это уж наверняка! Совершенно не умеет скрывать свои чувства, все на лице. Майя – другое дело. Само радушие, нежность и любовь. Никто и не скажет, что там творится у нее в душе. А уж я догадывалась, какая там пылает ярость.

Мы вчетвером расселись за столом на кухне. Майя налила всем чаю, поставила в центр стола большую тарелку с печеньем – моим любимым, творожным с шоколадной крошкой.

– Куда ездили? – с деланным безразличием поинтересовалась Ева.

– Просто катались. – Женя отпил чай. – Полина отлично водит.

– Надеюсь, ты не давал ей руль на трассе! – усаживаясь рядом с Женей, улыбнулась Майя.

– Нет, не беспокойся.

Беспокоилась ли она? Я смотрела на старшую сестру и гадала, что она собирается предпринять.

Ева поймала мой взгляд и, кашлянув, сказала:

– Полина, извини нас. Я очень сожалею.

Майя пододвинула ко мне блюдо с печеньем. У меня глаза защипало. Так они просто решили извиниться? Без злого умысла?

Ева потупилась и пробормотала:

– Я понимаю, сколько значит для тебя эта машина, и... я на эмоциях, не знаю, что и добавить еще.

Ева извиняется – это что-то нереальное! Я и не догадывалась, что она умеет это делать. И как бы мне ни было жаль мою машину и месяцы работы, я просто не могла не простить.

– Все нормально. Я почию, – сказала я.

Сестры с облегчением переглянулись и улыбнулись. Майя погладила меня по руке:
– Ты у нас умница.

Я покраснела от удовольствия. Я всегда очень ценила похвалу Майи.

Ева подула на свой чай и воскликнула:

– Я рада, что мы все выяснили! – И, глядя на Женю, добавила: – Сама не знаю, что на меня нашло! Просто когда я узнала, что ты целовалась с моим Тимкой, я так взбесилась... – и пояснила Жене: – Мы с Тимой в прошлом году встречались, а потом он ни с того ни с сего меня бросил. И тут выясняется... – Она театрально вздохнула и кивнула мне. – Ладно, проехали!

Женя покосился на меня:

– Разве тебе в прошлом году было не тринадцать?

– Тринадцать, – подтвердила Ева, – а Тимке почти семнадцать. И черт с ним, Жень, с этим парнем, мы же за Полину беспокоимся! В прошлом году – Тима, в этом ты... Просто однажды это может плохо закончиться. Но я повела себя как психопатка, нет бы сесть и поговорить за чаем...

Женя бросил на меня осуждающий взгляд, а потом его ладонь накрыла руку Майи. И тогда до меня дошло. Они не прощения у меня просят, а излагают Жене свою версию событий, в которой я, ветренная малолетка, вешаюсь на парней, как больная какая-то, и меня стоит лишь пожалеть.

Майя заметила, что я перестала есть.

– Полина, что, невкусное печенье получилось? – спросила она.

Я смотрела в ее светлое, родное лицо и едва сдерживалась, чтобы не заплакать. Все это ненастоящее. А я, глупая, стоило им извиниться, тут же простила. Мне стало так горько и противно от своей наивности, что дышать стало трудно.

– Вкусно, – едва слышно сказала я.

Они о чем-то втроем разговаривали, я не слушала, я думала... А когда Женя допил, спросила:

– Ну что, пойдем?

Он нахмурился, но даже не успел ответить. Влезли сестры:

– Поль, ну дай ты человеку поесть! – воскликнула Ева.

– Успеется! – вторила ей Майя.

– Давай завтра, Полина, – сказал Женя.

И по улыбкам обменивавшихся быстрыми взглядами сестер я поняла: своего они добились. Это было не трудно. Как можно спокойнее я взяла чайник и подлила себе воды. Потом как будто между прочем обронила:

– Ты тоже, Ева, должна меня простить.

– За что? – изумилась Ева.

Я решила идти ва-банк.

– Ну... – сделала вид, что задумалась, – за Тиму... – Сестра поменялась в лице, а я продолжила: – Я тебя обманула, когда сказала, что Тима меня поцеловал... – И, прежде чем на лице Евы расплылась удовлетворенная улыбка, нанесла сокрушительный удар молотком по ее «машине»:

– Он не просто меня поцеловал. Мы встречаемся уже с год!

Выражение на лицах моих сестер было бесценно. Я поднялась и, шагнув к Еве, обняла ее. Затем, отступив, призналась:

– Как легко на душе! А то я не решалась сказать. Теперь я знаю, тебе давно на Тиму наплевать. И мы можем больше не скрывать наши отношения!

Оставив сестер и Женю в полнейшем потрясении, я бросилась в комнату, достала записную книжку. Но, как назло, страница с номером Тимы была вырвана. Сама же ее выкинула после того, как Тима бросил Еву.

Ну ничего. В одной деревне живем, я знаю, где его дом.

Сменила старые потертые джинсы на те, что поновее, а потом и вовсе надела юбку. Какой бы ни была Ева временами злою, она нам с Майей всегда давала много советов по уходу за собой. Для Евы очень важна внешняя красота. Это от нее я узнала, что юбка – главное украшение девушки, готовящейся к свиданию.

Я выбрала симпатичный свитер, причесалась и подушилась. Проходя мимо гаража, хотела взять велосипед, но, вспомнив, что на мне юбка, отказалась от этой идеи.

На улице гулял со своим псом сосед. Завидев меня, он совершенно гадко заулыбался и помахал рукой, всем своим видом демонстрируя, что ждет «спасибо» за жабу в коробочке.

Ветер разметал его светлые кудри, а прорезавшиеся сквозь серые тучи лучи солнца заиграли на белой коже и оживили ясные зеленые глаза. Можно было подумать, что голову ангела с библейских полотен приставили к телу в безразмерной рыбацкой куртке.

Я помахала в ответ, но не остановилась. Возможно, стоило проявить к этому мальчишке чуть больше внимания, потому что в следующий миг ком грязи прилетел мне прямо в спину. Я ахнула и обернулась. Сосед стоял ко мне боком и, задрав голову, рассматривал провода с сидящими на них воробьями, словно не он только что бросил в меня грязью.

– Чего тебе от меня надо? – крикнула я.

– А тебе от меня? – крикнул он в ответ.

– Ничего, – буркнула я себе под нос и зашагала прочь.

Зашла за один из домов и свернула на тропинку, там и почистила куртку салфеткой. Ева приучила нас с Майей всегда носить при себе платок или салфетку. Ева – параноик и вечно ждет, что случится что-то непредвиденное. Но на этот раз она, кстати, оказалась права!

Я дошла до дома Тиминой тетки. Остановилась у ворот и позвонила в звонок. Я слышала от Евы, что высокий забор поставил сам Тимка с друзьями. У его тетки все время разбегались куры, их воровали, и чего только с ними не приключалось. А теперь они кудахчут себе спокойно за высоким железным забором. И тетке спокойно, и Тимке нет нужды бегать по деревне в поисках кур. Мама как-то даже назвала его «Мальчик, что ищет кур»... Ева ужасно оскорбилась и долго нам объясняла, что Тима – парень городской и до кур ему дела нет! Она ненавидит все, что связано с деревней.

Раздался топот, а потом одна створка ворот отворилась, и передо мной возник Тима в футболке, серых джинсах и тапках. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но, увидев меня, изумленно замер.

– Полина, – наконец вымолвил он.

– Привет!

Его взгляд скользнул по мне, остановился там, где заканчивалась юбка – чуть выше колен, – и взметнулся вверх. Наши взгляды встретились.

– Ты к моей тетке? – спросил он.

– Нет, к тебе. Можно?

– Н-н...да. – Он сделал приглашающий жест рукой. – Конечно,ходи.

Представляю, как это выглядит – спустя год: «Здрасте, не ждали?» Я вошла во двор, увидела большие деревянные качели и присела на них.

– Какие классные! Ты сам их сделал?

– Угу. – Он с любопытством рассматривал меня, привалившись к деревянному столбу качелей.

Ева объясняла мне, как вести себя на свиданиях, но я не особо ее слушала. Жаль, сейчас мне ее знания пригодились бы. Я совершенно не знала, что говорить. Ха-ха, особенно учитывая, что мы встречаемся целый год.

Из приоткрытой двери сарая негромко доносилась песня Майданова «Пролетая над нами».

Молчание затянулось, и Тима осторожно попытался выяснить:

– Ты пришла по какому-то делу?

Я собралась с духом.

– Да, по делу. По тому... прошлогоднему делу.

– А-а-а... – Он приподнял брови, ожидая продолжения.

Ох, ну почему так сложно? Я в панике окинула взглядом двор, на ходу соображая, зачем я могла прийти. И сообразила. У забора стоял полуразобранный мотоцикл.

– Еще не починил? – Я вскочила с качелей и подошла к мотоциклу, присела возле него. – Может, я помогу тебе?

Он подошел сзади, я почувствовала его теплые руки у себя на плечах.

– Полина.

Я нехотя поднялась и, стесняясь смотреть на него, выпалила:

– А я почти закончила свою машину... – И осеклась, вспомнив свое побитое детище. – Ну почти... закончила... есть еще, что делать.

Тима развернул меня к себе и с улыбкой спросил:

– Так ты пришла поговорить о ремонте?

– Я... – У меня в горле встал ком. – Тим, ты мог бы... – Я собиралась сказать совсем не то, но в самый последний момент выпалила: – Помочь мне с машиной!

– Что? – Он явно был сбит с толку.

Я чуть присела, освобождая плечи от его рук, и уже увереннее объяснила:

– Мне нужна помощь по кузову. Ты же Ваське Косому вмятины выправлял!

– А разве у тебя на машине есть вмятины?

– Ой, да полно! Так что, поможешь?

Когда не нужно было говорить об отношениях, любви и поцелуях, я чувствовала себя совершенно спокойно и уверенно. А уж когда речь шла о машинах, я еще и счастливой становилась.

– Конечно, о чем речь! – развел руками Тима. – Когда мне зайти?

– Когда удобно.

– Ладно, – он посмотрел на свои тапки, – ща кроссы надену и пойдем.

– Отлично! Спасибо, Тим!

Он зашагал к дому, но через пару шагов остановился и, обернувшись, с широкой улыбкой заявил:

– А я думал, что прошлогоднее дело другое...

Я пожалала плечами и смущенно улыбнулась. Он засмеялся:

– Думал, ты вдруг поняла, что жить без меня не можешь, и...

Я переминалась с ноги на ногу, вновь ощущая неловкость перед парнем, с которым, по моим словам, у меня уже год любовь-морковь.

– Да я ведь думала, Тим, ты уже разлюбил меня давно!

– Ну не знаю, не знаю, – усмехнулся он и скрылся за дверью.

Ев а

Я недооценила эту соплюшку! Рано мы с Майей обрадовались, выиграв первый раунд. Трогательные извинения, чай с печеньками – все это было прекрасно, но наша маленькая сестренка объехала нас на хромой козе.

Подумать только – она встречалась с Тимой у меня под носом!

– Да она обманывает, Ев! – шепнула мне Майя, когда ее ненаглядный Женечка отлучился в ванную.

Мы уже перешли в гостиную и сидели в плетеных креслах у печи, в которой раздражающе потрескивали поленья. Ненавижу этот треск! Когда я буду жить в городской квартире, куплю себе электрический камин.

– Нет, она не врет! Тима вчера заходил к ней! Все сходится, Май!

– Ну подожди, вернется, поговорим с ней!

– И что ты ей скажешь? – взбесилась я. – Она год крутит с моим парнем! Но ей мало, ей еще и твой парень понадобился! Откуда это в ней?

Майя подкинула полено в печку. Вернулся Женя.

– О чем секретничаете?

Сестра не ответила, притянула его к себе и усадила рядом в кресло. Она гладила, целовала Женечку, а он... Я вздохнула. Смотреть, как этот придурок позволяет Майе себя любить, было тошно. Неужели она не замечает, что он лишний раз и не взглянет на нее? Любовь ослепляет! И меня ослепила, раз я не заметила, что моя младшая сестра замутила с парнем, которого я люблю. Я ведь все это время не выпускала его из поля зрения. Когда они успели?

– Кто-то пришел! – Женя замер, прислушиваясь, поднял указательный палец кверху. – Слышите голоса во дворе?

Мы одновременно поднялись и вышли на крыльцо.

Думала, я задохнусь, когда увидела их вместе.

Полина привела Тиму, они стояли у гаража, о чем-то разговаривая. Я почувствовала, что Майя взяла меня за руку, но не могла отвести взгляда от Тимы.

– Так это правда, – растерянно пролепетала Майя.

Парочка нас заметила. Тима помахал нам.

– Ваша сестра встречается с этим лбом? – возмущенно прошипел Женя.

– Представь! – выдохнула я.

Полина с Тимой зашли в гараж. Женя нервно потянул ворот футболки, словно тот его душил.

– Я присмотрю за ними, не переживайте! – сказал он и, сбежав по ступенькам, рванул в гараж.

Мы переглянулись с Майей. В ее глазах было такое отчаяние, словно ее парень не в гараж отошел на два шага, а уходил на фронт.

Может, Майя все-таки понимала, что теряет Женю, ощущала его прохладу по отношению к ней? Немыслимо. Мы, красивые, взрослые девушки, стоим обтекаем на крыльце, пока младшая сестра крутит нашими парнями.

– Ущипни меня, Майя, я хочу проснуться от этого кошмара, – прошептала я.

Сестра ушла в дом. Я постояла еще пару минут и пошла за ней. Нашла Майю в ее комнате, она прибиралась в шкафу. Видимо, старалась занять себя, чтобы не думать о том, что происходит в гараже. Понятно, ничего там такого не происходило, – просто починка чертовой машины. Но ведь за этим было что-то еще, нечто, заставившее Женю, точно в попу ужаленного, бежать в гараж, вместо того чтобы остаться с Майей. И что этим парням нужно? Не понимаю! А раньше думала, это – как дважды два.

Майя молча разбирала свои вещи, а мне так хотелось сейчас с ней поговорить. Но я давно заметила: на неприятности мы реагируем по-разному, она замыкается в себе, отмалчивается, о чем-то думает, а мне нужно выговориться, выплеснуть всю злость и ненависть. Но только не на Майю, она-то чем виновата? Такая же жертва, как я!

– Что нам делать? – спросила я.

Сестра посмотрела на меня с удивлением:

– Как что?! Разделаемся с этой паршивкой! И вернем наших парней!

О-о-о... Майя выходит на тропу войны. Не завидую Полиночке!

Майя недобро улыбнулась:

– Есть идея!

Полина

Я плохо спала, долго ворочалась и все не могла перестать думать о сестрах. Еще никогда между нами не было такого разлада. С тех пор как Ева три дня назад разбила мою машину, а парни начали помогать с починкой, Майя не сказала мне ни слова. Ева же, напротив, не упускала возможности задеть меня. Мама была нами недовольна и повторяла: «Девочки, не ссорьтесь». Только это не помогало.

Тима приходил ко мне каждый день после лицея, он учится на автомеханика. Я расспрашивала его об учебе, брала у него список полезных книг. Мне самой хотелось пойти учиться на автомеханика сразу после девятого класса.

Ближе к вечеру приезжал Женя. Он проводил полчаса с Майей, а потом появлялся в гараже. Тима с Женей сразу не ладили. Женя – студент, учится на менеджера, он сын обеспеченных родителей. Держится с Тимой высокомерно. Мне это не очень нравилось, но, поскольку они все-таки вели себя цивилизованно, упрекнуть их было не в чем.

Я услышала лай, скатилась с кровати и подошла к окну. Дорогу освещал один-единственный фонарь у нашего дома. От соседского забора отделилась невысокая фигура. Гриша! За ним следовал его огромный пес. На плече у соседа была лопата. И куда он собрался в два часа ночи?!

Мальчишка пошел в сторону леса, а я, не сводя с него глаз, сама не понимая, что делаю, нащупала на стуле кофту. Оделась за несколько секунд и, стараясь не шуметь, вышла из дома. Калитка так громко закрипела, что у меня сердце в груди подскочило. А если меня кто-то увидит? Сестры, или мама, или соседи? Как объясню, куда я поскакала? Да я сошла с ума!

На улице было холодно, туман стелился по канавам. Тихо-тихо. Силуэт Гриши и его пса маячил уже у третьего горящего фонаря, а это на краю деревни. Скоро он войдет в лес. А у меня в кармане лишь зажигалка. Надо было хоть фонарик взять, вот балда! Вернуться, что ли? Но ноги сами несли меня за соседом. Он уже вошел в лес, я знала, где именно, там всего одна тропинка. Вот если он успеет добраться до развилки, его уж будет не найти!

Может, он лунатик? Или сумасшедший! Какие только мысли не пронеслись у меня в голове, пока я бежала в темноте по лесной тропинке. Внезапно моя нога за что-то зацепилась, я шлепнулась на живот и, к своему ужасу, подняться не смогла. Что-то давило мне на спину. Я обернулась и увидела над собой морду дога.

Сосед стоял тут же. И он пнул меня! Я схватилась за бок.

– Эй, обалдел!

Попыталась встать, но дог устрашающе зарычал.

– Отзови его!

– Как только объяснишь, зачем следишь за мной!

И что я должна была сказать?

– Да просто так!

– Если что, Джек не ужинал! – предупредил Гриша. – Лучше объясни.

– Мне не спалось! Смотрела в окно, вижу, ты с лопатой куда-то направился, ну и решила посмотреть.

Он оттащил пса за ошейник, приказав:

– Иди домой!

Я поднялась и уже сделала несколько шагов в сторону выхода из леса, но потом передумала и остановилась.

– А может, я не хочу? Может, я гуляю! Это не твой лес!

– Да, – согласился он, – но это моя собака, и она голодна!

– Ну так, может, тебе ее лучше кормить? – огрызнулась я. – И вообще, ты чего, сумасшедший, ночью в лес ходить?

– Не твое дело! – Он помолчал, а потом спросил: – Ну что, не уйдешь? Тогда я сам!

Он развернулся и пошел в сторону деревни. Пес затрусил следом. Мне не оставалось ничего иного, как пойти за ними. Я на ходу задрала голову и взглянула на полную луну. И тут меня осенило.

– Да ты никак бородавки ночью ходишь сводить?

– Ты точно чокнутая, в каком веке ты живешь? – проворчал Гриша не останавливаясь. – У меня нет бородавок! А если бы были, я поехал бы в лазерный центр и свел их!

– Лазерный це-е-ентр, – передразнила я. – Ну чего ты заливаешь мне? Все я про тебя знаю! Твой папашка...

Он так резко остановился, что я врезалась ему в спину. А потом круто развернулся и с силой толкнул меня. Я полетела на землю. От неожиданности даже не успела ничего сказать. А парень прошипел:

– Ничего ты про меня не знаешь, швабра! А еще будешь за мной следить – в нос получишь!

И он снова зашагал по тропинке. Не поднимаясь с земли, я гневно крикнула ему вслед:

– Это ты в нос получишь, гаденыш! От моего парня!

Сосед рассмеялся:

– Жду не дождусь!

На сырой земле штаны тут же намокли. Ох, как же я была зла! Ну ничего. Я себе пообещала, что завтра обязательно попрошу Тиму или Женю разобраться с этим мальчишкой! Сразу охота отпадет руки распускать! И что я такого сказала? Все знают, что его мама умерла пять лет назад, а папаша пьет и колотит его. Зимой Гришка постоянно подрабатывал, снег чистил во дворе соседей. А теперь с умным видом о лазерных центрах рассуждает. Вообще я, конечно, ничего про соседа и его папашу не знала, мне баба Маня рассказала, у которой я корову зимой доила. Она все про всех знает.

Я вернулась в свою комнату – к счастью, никем не замеченная. Переделась в ночнушку и заползла под одеяло. Меня все еще потряхивало после ночных приключений, но я все равно быстро уснула.

На следующий день после школы я нарочно вышла встречать Женю на дорогу. Сосед, несмотря на мелкий дождь, сидел на лавке и стругал какую-то деревяшку. Заметив меня, он сказал:

– Опять ты!

– Да, представь! Я тут живу, если не заметил.

– Заметил. Ну и где же твой парень?

Я с довольным видом указала на мчащуюся по лужам машину.

– Уже дрожу! – фыркнул Гриша.

Женя припарковался у калитки. И очень удивился, что я жду его здесь.

– Ты чего тут стоишь?

– Жень, – я взяла его за руку, – ты можешь мне помочь? Этот мальчишка. Вон тот, – указала я на Гришу, – дерется!

Женя удивленно приподнял брови, затем нахмурился.

– Да без проблем! – сказал он и направился к Грише.

Я наблюдала с легкой улыбкой, готовая вмешаться, если Женя перегнет палку. Но меня ждало разочарование. Не успел Женя и рта раскрыть, Гриша пронзительно свистнул и через забор перемахнул его пес. Он зарычал, и Женя сразу попятился, примирительно подняв руки. Выглядел при этом весьма комично и жалко. Я вздохнула. Женя раздраженно буркнул:

– Возьми псину на поводок!

Гриша встал со скамейки, погладил пса и сказал то, от чего у меня волосы дыбом встали:
– Эй, парень, возьми на поводок свою подружку! А то она влюбилась в меня и ходит всюду за мной!

Женя обернулся на меня, а я стояла вся красная как рак, не в силах оправдаться. Гриша забрал со скамейки деревяшку и ушел со своим догом в дом, а Женя подошел ко мне и спросил:

– Зачем ты ходишь за ним?

– Да не хожу я.

– А чего красная такая?

– Ой, пошли в гараж, – проворчала я.

И устремила к калитке. Женя громко хмыкнул и сказал мне вслед:

– А ты кокетка, Полина!

Я передернула плечами, но ничего не ответила. Спустя полчаса к нам присоединился Тима, и Женя пошел навестить Майю.

Когда он ушел, Тима достал из-за пазухи пакет с вяленой рыбой и угостил меня. Мы сели на доску и принялись чистить рыбу.

– Вкуснятина, – оценила я, вгрызаясь в соленый хребет.

– Ты ходила когда-нибудь на рыбалку?

– Нет, но Майя...

Я осеклась, а Тима вытер рот и спросил:

– Что Майя?

– Она с отцом любила ездить на рыбалку. Они вместе готовили уху и вялили рыбу. Вкусно получалось. Она вообще здорово готовит!

– А хочешь со мной пойти поудить? Удочку тебе сделаю!

Я засмеялась:

– Зачем тебе со мной возиться, учить? Я тебе всю рыбу распугаю!

– Не распугаешь. Когда мне было пять, меня отец впервые взял на рыбалку, я в тот раз бултыхнулся с берега в реку. Но отец не ругался... – Тима задумчиво улыбнулся своим воспоминаниям.

А у меня вырвалось:

– Ты скучаешь по ним?

Он едва заметно кивнул. И тогда я впервые за два года призналась:

– Я тоже скучаю по папе. Он не умер, но мы не видимся, а это все равно что умер...

Тима удивленно покосился на меня:

– Нет, Полина, это не то же самое. Тебе кажется, что вас разделяет что-то непреодолимое. Но это не так. Непреодолима лишь смерть. Ты можешь позвонить своему папе или написать ему. Ты даже можешь поехать к нему!

– Но у него другая жизнь.

– Насколько бы другой ни была его жизнь, он помнит о тебе и о твоих сестрах.

– Тогда почему он сам не позвонит, не напишет?

– По той же причине, по которой вы не звоните и не пишете ему. А может, ему стыдно, что он оставил вашу мать и был вынужден оставить вас.

Мы молча доели рыбу. И Тима повторил свой вопрос:

– Так что, пойдем удить?

– Пойдем. А когда?

– Завтра. Рано. В пять утра.

Его взгляд задержался на моем лице, и мне стало неловко за свое вранье сестрам, будто я встречаюсь с Тимой. Если бы он знал... А вот интересно, что, если бы узнал? Посмеялся бы надо мной? Или обрадовался? Ведь в прошлом году он дал понять, что я нравлюсь ему, несмотря на разницу в возрасте, несмотря на его отношения с Евой. И ему хватило совести и

достоинства после моего «нет» расстаться с Евой и больше не приставать ко мне. При этом он не избегал меня и не строил из себя обиженного.

Как так получается? У Майи совсем нет вкуса на парней, а у Евы – отменный. Она влюбилась в очень хорошего парня, но не сумела его удержать – из гордости или просто по глупости.

– Ну что, за дело? – Тима подошел к машине и присел возле ящика с инструментами.

Мы уже почти закончили работу над кузовом, выправили вмятины, впереди оставалась покраска.

Женя в тот день к нам в гараж так и не вернулся. Позже, когда Тима давно ушел, я видела, как уезжал и Женя. Возле него крутилась Майя, и он мне лишь помахал, крикнув: «Завтра загляну!»

Все это время я удивлялась тому, что сестры ничего не предпринимают. И вот наконец вечером меня ждала новость. Когда мы вчетвером собрались за ужином, мама нетерпеливо сказала сестрам:

– Ну что же вы, обрадуйте ее скорее!

Я насторожилась. И не зря. Майя вынула из кармана кардигана конверт и положила передо мной.

– Поля, мы виноваты перед тобой, одними словами это не исправишь.

Ева поддакнула. Я еще утром заметила, что она светится, как солнце, и не задирает меня. Я открыла конверт и вынула какие-то документы.

– Что это? – посмотрела я на маму.

– Это путевка в лагерь! – охотно объяснила Ева. – Все лето на берегу шикарного озера! Ну как, нравится?

Я не сразу нашла, что сказать. Мама и сестры вопросительно на меня смотрели, ожидая реакции.

– Зачем мне озеро? – наконец смогла вымолвить я. – У нас же в двух шагах здесь река и пруды, карьер есть!

– Да эта речка ужасна! – вскричала Ева. – Поля, ты не была в лагере, а мы с Майей были и просто уверены, что тебе очень там понравится!

Я не знаю, лукавила ли она, но я была убеждена: понравится мне лагерь или нет, не важно, это всего лишь повод услать меня.

– Я и плавать не умею.

– Научишься, – сказала мама. – Поля, твои сестры сделали тебе замечательный подарок! Молодцы, девочки! Ну, Поляночка, ты рада?

Я лишь кивнула. Сестры улыбнулись друг другу. Я сделала вид, что не заметила, и уставилась в свою тарелку. В мясе была куча жирок, которые я терпеть не могла. Майя всегда выискивала для меня постные кусочки. Раньше. Тронув вилкой трясущиеся жирки, я украдкой взглянула на Майю. Она смотрела на меня, но, заметив мой взгляд, потупилась, и ее щеки заалели.

Майя

После ужина за мной прикатил Женя, и мы поехали в клуб. Ева одолжила мне одно из своих умопомрачительных платьев – сиреневое с открытой спиной и низким вырезом, обтягивающее и короткое. Я чувствовала себя голой, но помнила напутствие Евы: «Ты должна показать своему парню, что малолетка Полина тебе не конкурентка!»

Всю дорогу до клуба я не могла перестать думать обо всем, что происходило дома. Мы с Евой постоянно обсуждали нашу сестру. Иногда мне казалось, что Ева ее уже ненавидит. И чем больше было всех этих разговоров о поступках Полины, тем больше помоев мы на нее выливали.

Отправить ее в лагерь подальше было моей идеей. Но сегодня, увидев, какой грустной и тихой стала Полина после нашего подарочка, мне вдруг стало до того тошно... Лежа перед сном в темноте и тишине, я ощущала страшную пустоту внутри, как если бы из меня выкачали все внутренности и внутри не осталось ничего, а я лишь оболочка, пустая-пустая.

Я посмотрела на профиль моего парня. Женя был особенно хорош в белой рубашке, такой серьезный и взрослый. Но почему-то сердце, как раньше, не екнуло и не запрыгало в груди. Я почувствовала раздражение. Он так безмятежен, будто все как раньше, будто он не торчит часами в гараже с моей сестрой. Это я Еве говорила, что во всем виню Полину, а на самом деле себе врать тяжелее. Женя не виноват? Виноват! И это хуже всего!

Мы подъехали к клубу, где уже собралась молодежь. Мне не хотелось танцевать, пить и смеяться. Но я делала это, как велела Ева и как задумала сама. Моей тактикой было спокойствие: сделать вид, что не схожу с ума от ревности и не замечаю ничего подозрительного. И Женя вел себя соответственно. Как я от него ждала. Так почему же мне настолько плохо?

Мы танцевали под «Nothing Gonna Change My Love For You» Джорджа Бенсона, и Женя шепнул мне:

– Ты потрясающе выглядишь!

На миг меня захлестнули чувства, показалось: у нас все как раньше... И, как пелось в песне, ничто не в силах изменить его любовь ко мне!

Мы целовались, я крепко обнимала его за шею, мысленно твердя: «Он мой, мой, только мой!» Я слишком долго добивалась его внимания, чтобы вот так просто отдать без боя. И кому? Родной младшей сестре! Никогда!

Но песня закончилась, объятия разомкнулись, и вернулось тревожное чувство безысходности.

Я танцевала за ночь еще пару раз с разными парнями, но ни с кем толком не поговорила. Пора было признать, что ссора с сестренкой выбила меня из колеи, я ни о чем не могла думать.

Полина для меня всегда много значила. Я нянчилась с ней, когда мама с утра и до позднего вечера работала. Кормила, одевала, гуляла, мы играли, читали книжки, учили алфавит. Я провожала ее в школу, встречала после уроков и бежала на перемене с ней домой, чтобы за десять минут довести, подогреть суп, а затем снова бежать в школу. Конечно, я и для Евы многое делала, но Ева была старше, и потом все-таки они были очень разными. Независимой Еве, казалось, никто не нужен. А Полина сама тянулась ко мне, бежала с любой своей бедой. Кто бы мог подумать, что однажды она сама станет моей бедой. И я не понимала, чье предательство – сестры или парня – ранит сильнее? Мне было больно, оно и понятно, но я не думала, что эта тупая боль будет стучать в сердце день за днем, разламывая его...

Женя предложил поехать к нему. Следовало согласиться. Он же знает: то, что он может получить от меня, он не получит от Полины. Или?...

Я заглянула ему в глаза и похолодела. Моей сестре четырнадцать лет. О чем, черт возьми, он думает? Что у него в голове, когда он торчит с ней в гараже?

– Отвези меня домой, – сказала я.

Женя удивился, но переубедить не пытался. Мы сели в машину. А через пятнадцать минут были у моего дома. И тогда я не выдержала.

– Женя, что у тебя с моей сестрой?

Он изобразил изумление:

– Что? – выдержал паузу. – Я думал, мы выяснили уже.

– Да ни черта мы не выяснили! Она говорит, ты поцеловал ее и сказал, что любишь! А я назвала ее лгуньей.

– Так и есть! – воскликнул Женя.

Его рука коснулась моего колена, но я ее оттолкнула.

– Так почему же ты пропадаешь целыми днями с этой лгуньей в гараже?

Женя вздохнул:

– Потому что чокнутая Ева разбила ее машину. Я чувствую свою вину, это же из-за меня заварилась каша.

– А когда машина будет починена, ты перестанешь бывать в гараже?

– Ну конечно! Что мне там делать?

Я смотрела на него, и мне так хотелось ему верить... или не хотелось? Ведь тогда бы это значило, что Полина лгунья, что врала мне и Еве. Смогу ли я жить с этим знанием? Смогу ли смириться?

Я глубоко вздохнула и сказала:

– Я не хочу, чтобы ты и дальше терся возле моей сестры. Ей четырнадцать лет! И что бы там между вами ни произошло, этому не бывать!

– Что значит «что бы ни произошло»? – возмутился Женя. – Я все уже объяснял! Хочешь сказать, я вру?

Я молчала, а он еще более возмущенно продолжил:

– Наезжай лучше на этого Тиму! Он не намного младше меня. Хочешь сказать, он ей пара?

Это вот «он не намного младше меня» царапнуло где-то внутри. Женя словно сравнивал себя с Тимой, как если бы они были соперниками. Внутри у меня все задрожало, а к глазам подступило предательское тепло слез.

С Тимой я пока ничего не решила. Но ни разу, наблюдая, как они общаются, я не видела в их отношениях ничего интимного – ни прикосновений, ни поцелуев. На отношения это мало тянуло. Правда, Еве было достаточно того, что Тима проводит время с Полиной в гараже, чтобы нафантазировать себе бразильские страсти.

– Женя, я понятно выразилась? Я не хочу видеть тебя рядом с Полиной!

Он воздел глаза к потолку:

– Да мне все равно! Я могу с ней даже не здороваться! Просто твои подозрения выносят мозг! И запреты только подталкивают поступать наперекор! Зачем ты это делаешь?

Я, не отвечая, вылезла из машины.

Еще пару дней назад я бы ни за что себя так не повела – слишком боялась, что Женя уедет навсегда.

А сейчас, глядя вслед его машине, я вдруг подумала, что, если он не вернется, возможно, это будет к лучшему. Мое сердце разделили пополам две любви: одна – любовь к парню, другая – к сестре. И сегодня любовь к сестре перевесила.

Я соскучилась по ней, по ее легкой и веселой болтовне за столом, по детскому восторгу, с каким она пробует мои новые блюда, по ее доброте и всегда хорошему настроению, по ее добродушным подтруниваниям над Евой... Я так соскучилась по миру в нашей семье.

Ев а

Не знаю, что именно меня разбудило, но я вышла из комнаты именно в тот момент, когда из своей кралась полностью одетая Полина.

– Ты куда? – опешила я. На мобильнике было без пятнадцати пять!

– На рыбалку.

– Что-о?

– Утром лучше поклевка, – с умным видом объяснила мне эта малявка.

– И с кем?

Она замялась, и я все поняла! С Тимой. Ну конечно. Он заядлый рыбак! Размечталась!

– Никуда ты не пойдешь в такую рань!

Она прошла мимо меня, обронив:

– Я обещала, и я пойду! Вот, уже иду! Видишь? – Она посмотрела на меня через плечо. В этот момент я ее особенно ненавидела.

– Мама, Майя! – крикнула я.

Глаза сестры распахнулись, и она застыла. Из своих комнат вышли мама и Майя.

– Что случилось? – сонно спросила мама.

– Полюбуйтесь! Наша Полина идет на рыбалку!

– А сколько времени? – изумилась Майя.

А мама воскликнула:

– Поля, солнышко, ты с ума сошла? Какая рыбалка! А как же школа?

– После рыбалки. Я поужу часик и вернусь.

– Ну не знаю, – покачала головой мама. – А днем сходить нельзя?

– Мам, ну я уже договорилась!

– Да-а, – протянула я, – это самое интересное, мам, она договорилась рыба-а-ачить, – я нарочно выделила слово, – с парнем, который намного старше нее! Считаешь, это нормально?

Майя нахмурилась:

– С кем ты идешь, Полина?

– С Тимой.

Возможно, Майю устроил ответ, но не меня.

– Мам, этот парень в деревне славится тем, что на втором свидании лезет под юбку! – сообщила я.

– Неправда! – пискнула Полина.

– Правда-правда, – закивала я.

Мама указала на дверь комнаты:

– Поля, никакой рыбалки в пять утра! После школы, пожалуйста!

Полина сжала кулаки и, глянув на меня, прошипела:

– Только к таким, как ты, лезут на втором свидании под юбку, потому что ничего интереснее ты предложить не можешь!

Я размахнулась и дала ей звонкую пощечину.

– Ева! – вскричала мама, а Полина бросилась в свою комнату.

Мы втроем несколько мгновений постояли в тишине, а затем разошлись по своим комнатам.

Но я не легла в постель. Никак не могла успокоиться, сердце колотилось как бешеное, меня трясло от ярости, и на месте мне не сиделось.

Схватила из шкафа первую попавшуюся кофточку и джинсы. Я знала, где обычно удит Тима, и, выскользнув из дома через окно, огородам смылась с участка.

Раньше я частенько так уходила ночью гулять. Мама не засекала.

Еще было довольно темно, трава намочла от росы, но туман уже отступал с полей к лесу, обещая скорый рассвет.

Я пересекла поле и зашла в лесок, где находился огромный пруд.

Тима уже сидел там с удочкой, а вторая, видимо для Полины, лежала на траве. Он услышал, как хрустят сучья у меня под ногами, и обернулся. Улыбка, которой Тима собирался встретить мою сестру, сползла с его лица.

– Не ожидал?

Я подошла ближе. Он повел плечом и уставился на поплавок.

– Полина не придет, – заявила я, понимая, что пауза затягивается.

Тима ничего не ответил. Как же меня всегда бесила его манера игнорировать! Может, он считал, что на фразе «Полина не придет» наш разговор себя исчерпал... Как бы не так!

Я приблизилась к воде, над которой роились мошки. Никогда не понимала этого дурацкого увлечения рыбалкой. Отец тоже любит удить. Однажды они с Майей взяли меня с собой,

так меня просто-напросто вырвало от вида червяка, прямо отцу на ботинки. Больше я никогда не ездила на рыбалку и рыбу с тех пор не ем. Вся эта схема: рыбалка – червяк – крючок – рыба – несварение – и по сей день остается в силе. Оставалось надеяться, что, пока я тут, Тима не будет насаживать червя на крючок.

– Нам надо поговорить, – сказала я. Прозвучало прям как в большом кино! Так настойчиво, серьезно и с нотками горечи.

Тима никак не отреагировал на мои слова. И все пошло наперекосяк, отрепетированные слова испарились, идеальные сценарии забылись.

– Что у тебя с Полиной? – Голос отвратительно дрогнул. Чтобы как-то это исправить, я добавила: – Ты знаешь, сколько ей лет?

– Знаю, – последовал спокойный ответ.

– И что? – Я сердито взмахнула рукой.

– И ничего.

Поверить не могу! И это мой идеально отрепетированный диалог? Да будь все проклято! Я ждала, он смотрел на поплавок. Я не выдержала:

– У тебя все с головой в порядке?

Он коротко взглянул на меня и едва заметно улыбнулся:

– Если ты здесь, чтобы спросить, как я мог променять тебя на нее... спроси, Ева, и иди домой.

Он даже не скрывал, что бросил меня ради нее. Я до последнего не хотела верить Полине. Майя убеждала меня, что наша малявка лжет. Но теперь стало очевидно: Полина не соврала. И как с этим жить? Расскажи кому – со смеху помрут!

Я обхватила себя за плечи, чтобы не трястись. Мне вдруг стало так холодно, как будто вся сырость этого лесного болота проникла под плащ.

– Если ты знаешь, о чем я хочу спросить, ответь!

Тима снова взглянул на меня и перевел взгляд на поплавок.

– У доброты и сердечности нет возраста. Встретив родственную душу, ты не думаешь, сколько ей лет и одобряют ли вас окружающие, ты просто знаешь – это она. Однажды я сидел в гараже, в очередной раз дожидаясь, когда ты накрадишься и оденешься, а твоя сестра чинила машину... Она смеялась и что-то рассказывала мне. Не помню что. Это не важно. Я просто слушал ее голос, и внезапно у меня участилось сердцебиение, я почувствовал себя очень счастливым. А когда пришла ты, вся такая красивая и благоухающая духами, я не почувствовал ничего. – Он хмыкнул. – Не жду, что ты поймешь. Но ты хотела объяснений. Вот они.

– Почему же... я понимаю.

– Неужели? – иронично улыбнулся он.

– Да. Ведь когда я вижу тебя, я чувствую то же самое, Тим.

Наши взгляды встретились. Будь проклято солнце, притаившееся в его глазах. Оно обжигало меня, заставляя гореть изнутри, а потом содрогаться от холода.

Он первым отвел взгляд:

– Я думал, для тебя это в прошлом.

Я шагнула к нему и, опустившись рядом, коленями прямо на мокрую землю, взяла его лицо в ладони и прошептала:

– Я не забыла тебя!

Это прозвучало потрясающе. Я достойна «Оскара»! Окрыленная его смятением, своим талантом, я наклонилась к нему, припала к губам. Но поцелуй был недолгим, Тима отстранился и сказал:

– Ты невероятная! Но для меня ничего не изменилось с прошлого года.

Мои ладони с его шеи сползли на грудь.

– Ты любил меня! Это не могло просто пройти, как насморк!

– А ты хочешь быть аллергией? Прости. Все прошло.

– Нет! – прошептала я. – Ты обманываешь! Поинка тебе запудрила мозги! Ты не любишь ее! Вы не можете встречаться! Вам не позволят! – Я вскочила. – Она мелкая, уедет в лагерь на все лето. Ты не увидишь ее! Чем ты вообще с ней занимаешься? Не смей отводить свои чертовы глаза! Ответь!

– Чем? Ну попробуй угадать. Начинается на «ма», заканчивается «шиной». Есть идеи?

Я задышалась, казалось, меня разорвет изнутри.

– Только машиной? А любовь, все дела? Вы же год встречаетесь!

– Мы не... – Он осекся. – С чего ты взяла?

– Полина сказала.

Теперь он смотрел на меня уже удивленно; напрочь забыл о поправке, а тот между тем ушел под воду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.